

Копылов Роман Владимирович
Roman Kopylov

научный сотрудник «Института художественного образования и культурологии
Российской академии образования»
the research fellow of the Federal State Budget Research Institution «Institute of Art Education and
culturology of the Russian Academy of Education »
E-mail: romankopylov@rambler.ru

ПРОБЛЕМЫ ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ И ЭСТЕТИЧЕСКИХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ У СОВРЕМЕННЫХ ПОДРОСТКОВ (НА ПРИМЕРЕ ВОСПРИЯТИЯ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА)

**The interaction's problems of the contemporary children and adolescents
socio-cultural ideas and aesthetic preferences (example of the perception of
fine art)**

Ключевые слова: эстетическое восприятие, художественное восприятие, социокультурное развитие, современные социокультурные представления.

Keywords: aesthetic perception, artistic perception, social and cultural development, modern socio-cultural ideas

Аннотация: В данной статье была сделана попытка определения возможных видов взаимосвязи эстетического восприятия современных детей с их социокультурными представлениями. Исследование проводилось на материалах тестирования, проведенного в ряде московских школ среди учеников 8-х классов. По результатам анализа полученных данных предлагается ряд позиций, гипотетически описывающих специфические аспекты взаимосвязи эстетического восприятия и социокультурного развития современных детей и подростков.

Annotation: In this article an attempt was made to determine the possible relationship of modern youth' aesthetic perception with their socio-cultural views. The study was conducted on testing, which was implemented in a number of Moscow schools among 8th grade students. According to the results author suggests a number of positions, hypothetically describing specific aspects of the relationship of modern children and adolescents aesthetic perception and socio-cultural development.

В рамках исследований, посвященных выявлению общекультурного и эстетического развития, было проведено тестирование учащихся 8 классов общеобразовательных школ города Москвы на материале изобразительного искусства.

Целью эксперимента было выявление степени эстетического и художественного развития детей, их социально-культурных представлений, связанных с искусством, а также выявление, по возможности, взаимозависимости или взаимосвязи художественной и социокультурной сфер интересов и представлений детей.

В качестве стимульного материала для фиксации содержания и уровней развитости восприятия подросткам были предложены пять репродукций мужских живописных портретов (мальчикам):

1. «Портрет Жилия де Рэ» Э. Ф. Феро,
2. «Автопортрет» А. Дюрера 1500 года,
3. «Наполеон I на императорском троне» Ж.О.Д. Энгра,
4. «Автопортрет» О. Кипренского,
5. «Портрет молодого человека» А. Дюрера

Пять репродукций женских портретов девочкам:

1. «Мадонна на лугу» Рафаэля
2. «Портрет г-жи Грэм» Т. Гейнсборо,
3. «Портрет императрицы Александры Федоровны» А.В. Маковского,
4. «Портрет элегантной леди» А. Линча,
5. «Мария Магдалина» П. ди Козимо

Также и мальчикам и девочкам в качестве шестого портрета была предложена работа П. Клее «Сенекио», в силу абстрактной манеры исполнения не определяемая, ни как мужской, ни как женский портрет.

Подобранный таким образом стимульный материал должен был помочь исследователям выяснить, в первую очередь, степень эстетического и художественного развития, во вторую очередь - какие социокультурные архетипы могут быть значимы в сознании современных детей, и, наконец, насколько влияют социокультурные доминанты, в данном случае, в виде выбранных исследователями определенных архетипических образов, на сам выбор и мотивацию предпочтений в искусстве, то есть в какой взаимосвязи они находятся с собственно эстетическим видением и его мотивацией.

Архетипические образы были выбраны следующие. Для мальчиков:

1. Герой-воин, мужественность – Э.Э. Феро «Портрет Жилия де Рэ»
2. Красота – А. Дюрер «Автопортрет» 1500 г.
3. Власть – Ж.О.Д. Энгр «Портрет Наполеона»
4. Поэт, творчество – О. Кипренский «Автопортрет»
5. Ум (духовность) – А. Дюрер «Портрет молодого человека»
6. Свобода индивидуальности – П. Клее «Сенекио»

Для девочек:

1. Материнство, семейные ценности – Рафаэль «Мадонна на лугу»
2. Красота – Т. Гейнсборо «Портрет г-жи Грэм»
3. Власть – А.В. Маковский «Портрет императрицы»

4. Обаяние, шарм – А. Линч «Портрет элегантной леди»
5. Ум – Пьеро ди Козимо «Мария Магдалина»
6. Свобода индивидуальности – П. Клее «Сенекио»

В художественном и эстетическом аспектах данный ряд произведений рассматривался исследователями и экспертами как неравноценный, что собственно и должно было позволить впоследствии оценить выбор детей. Работы Линча и Ферио считались самыми слабыми, а естественно Дюрер, Рафаэль и ди Козимо - как образцы безусловной классики.

Детям предлагалось, в первую очередь, выбрать понравившуюся им картину - мальчикам из мужских портретов, девочкам, соответственно, из женских. По каким параметрам они должны были сделать свой выбор, не оговаривалось. Предполагалось, что дети, обладающие эстетическим и художественным чутьем интуитивно выберут эстетически более ценное произведение, невзирая на социокультурную провокацию самоидентификации с героем. Также предполагалось, что можно будет определить некую ценностную, в данном случае, уже чисто социокультурную иерархию, предположительно, существующую в массовом сознании современных детей. Для этой же цели детей просили указать в ответах, на кого из представленных героев им бы хотелось быть похожими. Таким образом, исследователи могли получить подтверждение или, наоборот, опровержение социокультурной или эстетической мотивации выбора картины. Для этого же детям предлагалось написать, почему они сделали свой выбор и придумать свое название картине. Набор данных произведений был обусловлен сочетанием их эстетической ценности, художественных характеристик с социокультурным тематизмом, выбранным исследователями в виде определенного ряда архетипических культурно-исторических констант, необходимо присутствующих и действующих в любом обществе, независимо от времени его существования.

Так, первый мужской портрет должен был представлять некий архетип героя-воина, наделенного соответствующими характеристиками, то есть он должен быть смелым, сильным, решительным и т.д. Портрет изображает рыцаря, полностью облаченного в металлические, начищенные до блеска доспехи, стоящего в парадной горделивой позе, опершись на что-то вроде секиры и со шпагой на боку. Металлический сверкающий на солнце шлем рыцаря лежит рядом. Лицо рыцаря имеет горделивое и смелое выражение, свидетельствующее об абсолютной уверенности в себе, в своей правоте и правоте своего дела. С точки зрения живописных достоинств данное произведение представляется наиболее слабым из всего «мужского набора», способным лишь показать в знаково-информационном ключе персону знатного человека, воина и не более. Внутренний эмоциональный мир изображенного человека сводится к констатации его воинских и властных личностных доминант с помощью соответствующих мимики и позы. Поза же рыцаря и его композиционное размещение в границах холста создают общее впечатление «истуканности» и деревянности героя. Это же впечатление усиливает и

цветовая серо-металлическая гамма картины, вызывающая у зрителя ощущение холодности и некоей безжизненности.

Следующий мужской портрет, автопортрет Дюрера, должен был, в нашей гипотетической интерпретации, олицетворять архетип некоей мужской красоты. С точки зрения художественных достоинств это произведение не стоит характеризовать, поскольку это всеми признанный шедевр. Поза изображенного человека, его простая одежда и общая композиция картины не отвлекают зрителя от лица, а наоборот, концентрируют внимание именно на красивом лице героя.

Третий портрет, портрет Наполеона должен был представлять архетип власти. И, в этом смысле, картина не оставляет зрителю никаких сомнений, так как перед нами, даже если отвлечься от всей атрибутики, которую щедро предоставил зрителю Энгр (а на картине мы можем видеть все, что необходимо императору на троне, то есть сам золотой трон, золотой же веночек на царственной голове, красно-бело-золотая мантия из какой-то драгоценной ткани, может быть из бархата, отделанной дорогим белым мехом и т. д.), изображены власть и господство над миром в чистом виде. Энгр, с помощью композиции, идеального выбора позы героя, его мимики и размещения фигуры в рамках картины, добился безусловного пластического выражения власти. Красно-белая-золотая гамма идеально дополняет и усиливает такое впечатление.

Четвертый - автопортрет Кипренского, изображающий романтического милостивого юношу с некоторым оттенком мятежности был выбран как некий архетип поэта, то есть человека, живущего эмоциями, склонного к иррациональности, руководствуемого вдохновением, озарениями и т. д. Картина Кипренского довольно точно показывает нам подобного героя, благодаря довольно свободной манере написания и резкой, таинственной светотени. Это же впечатление усиливают несколько растрепанная в духе романтизма прическа и сумбур из шейных платков и воротников на молодом человеке, чья юность и горящие глаза гармонично завершают задуманный автором образ.

Пятый портрет – «Портрет молодого человека» кисти Альбрехта Дюрера. Предполагалось, что изображенный на этой картине молодой человек может соотноситься с неким архетипическим образом человека умного, человека интеллекта. Действительно, довольно бесстрастное, холодноватое и сосредоточенное выражение лица этого молодого человека, даёт основания к подобной трактовке этой картины.

Для представления первого женского архетипического образа была выбрана картина Рафаэля «Мадонна в лугах», которая не является портретом в жанровом смысле. Однако для визуализации архетипа материнства и приоритета семейных ценностей изображение мадонны естественно подходило больше всего.

Картина кисти Гейнсборо была выбрана для иллюстрации архетипического образа красавицы. Именно красавицы, в смысле приоритета

внешней красоты, внимания к одежде, причёске, позе, приоритета красоты парадной, формально-светской. Поэтому была выбрана картина, где основное внимание уделено именно фигуре, а не лицу изображенной женщины, ее позе, одежде и интерьеру, в котором художник поместил свою героиню.

Следующим произведением изобразительного искусства, представляющим в тесте женский архетип власти, была работа Маковского «Портрет императрицы Александры Федоровны». На картине изображена настоящая царица со всеми соответствующими атрибутами в виде короны, драгоценностей и т. д. Однако, предполагаемое общее парадное впечатление от царственной особы входит в определенный диссонанс с выражением лица императрицы, в котором читается скорее тревога, нежели самоуверенная властность. Это впечатление производит и общий образный строй картины, что усиливается и цветовым решением полотна - преобладание оттенков серо-черного и белого вызывает у зрителя скорее смутное беспокойство, нежели ощущение силы и богатства. Но, в данном случае такое изначальное противоречие налично-смыслового содержания картины и его внутреннего эмоционально-образного строя пошло на пользу гипотезе эксперимента, так как оно только усилило намеренную провокацию по отношению к опрашиваемой аудитории, провокацию, заведомо необходимую для будущего разведения эстетических и социокультурных реакций детей.

Четвертым портретом, предложенным девочкам, была работа кисти Альберта Линча «Портрет элегантной леди», который в своем тестовом применении должен был отождествляться с неким вторым вариантом женской красоты, архетипом женского обаяния или очарования, красоты, не зависящей от внешних атрибутов, одежды, причёски, от статуса, богатства. Красоты и очарования, которые передаются лишь выражением глаз или полуулыбкой, чем-то не слишком ярким или открытым, скорее чем-то, что можно было бы охарактеризовать как тайну или загадочность женской души. В данном произведении, несмотря на его почти полусалонное звучание, художнику удалось создать именно такой женский образ. Красивое, но не совсем в классическом духе, лицо, полуулыбка, которую невозможно однозначно истолковать, мягкая, теплая цветовая гамма, гармонирующие цвета одежды героини и её выразительных карих глаз, и мягкость мехов её одежды и мягкость взгляда, заставляют зрителя поддаться общему очарованию созданного образа.

Наконец, последний пятый женский образ – это изображение Марии Магдалины кисти Пьеро ди Козимо (1490). Данное изображение было выбрано для иллюстрации архетипа умной женщины и посылы духовности. На картине изображена сидящая молодая женщина в довольно скромном платье, читающая книгу. Одежда и причёска Марии Магдалины характерны для эпохи, когда картина писалась. Художнику удалось передать состояние крайнего сосредоточения, погруженности в чтение с помощью идеального расположения фигуры в границах холста и удивительно найденной позы героини. Ее позу, позу полностью погруженного в чтение человека, художник сделал еще более

выразительной с помощью пропорциональной деформации фигуры, удлинив несколько шею и руки, одновременно тем самым усилив наше внимание на склоненной голове и книге, которую женщина держит в руках. Цветовая гамма гармонично отражает общую атмосферу картины, основой её является очень темный, почти черный сливающийся с черным платьем фон, из которого рельефно выступают светлые лицо, шея и руки Марии Магдалины. Темная основа картина также разбивается цветными элементами одежды - красного, синего и желто-бежевого цвета, что избавляет картину от некоторой мрачности и наоборот придает ей определенную торжественность.

Общим для выбора и оценки мальчикам и девочкам было произведение П.Клее «Сенекио», изображающее разноцветное круглое «лицо», поскольку оно решено в полуабстрактной, декоративной манере, не подлежит никакой гендерной идентификации, но зато имеет яркое эмоционально-образное решение, идеально иллюстрирующее некий архетип яркой индивидуальности, нонконформизма, свободы, игры, стремления выйти за общепринятые рамки и т.п. Предполагалось, что подобное произведение может найти отклик у некоторой части детской зрительской аудитории.

Результаты апробации тестовых методик, как мне кажется, не оправдали самых завышенных ожиданий исследователей относительно преобладания эстетических мотиваций над социокультурными в процессе восприятия детьми произведений изобразительного искусства. На первых местах, как среди мужских образов, так и среди женских, оказались произведения наиболее спорных художественных достоинств. Это «Портрет Жюль де Рэ» Элуана Фермена Феро, который выбрали 28% опрошенных восьмиклассников, и «Портрет элегантной леди» Альберта Линча, которому отдали предпочтение соответственно 27% восьмиклассниц.

Социокультурные мотивации предпочтений оказались все-таки наиболее значимыми для детей, что становится очевидным по двум причинам. Во-первых, потому, что были выбраны самые неинтересные в художественно-эстетическом плане произведения, с наименее глубоким внутренним содержанием, но с очевидной социально-знаковой манифестацией, в мужском варианте – апофеозом героя воина, в женском – соблазняющей красавицы. То есть, фактически, были выбраны не изображения, не образы живых людей с их конкретными чувствами, эмоциями, мыслями, со всей обычной человеческой сложностью, а просто знаковые изображения неких социальных функций. Во-вторых, были выбраны самые популярные социальные функции для массового сознания и для массовой культуры, условно говоря - «герой боевиков» и «гламурная девушка». Надо сказать, что именно эти два произведения из всего стимульного набора содержали в себе наиболее противоречивое сочетание низкой «художественности», но социальной популярности, и являлись как бы главной пружиной всего тестового эксперимента.

Во всех остальных представленных для выбора произведениях было бы гораздо сложнее собственно эстетическую мотивацию выбора от социально-культурной, в силу большей художественности и меньшей социальной

популярности. На втором месте у мальчиков оказался «Портрет Наполеона на императорском троне» Энгра, ему отдали предпочтение 17% опрошиваемых, у девочек – «Портрет Мэри Грэхэм (или Грэм)» Гейнсборо, он набрал 23% голосов. Совершенно очевидно, что социокультурные мотивации и в отношении выбора этих произведений, скорее всего, оказались решающими. Социокультурные роли - власти, в мужском варианте, и снова красоты, в женском наборе, находятся слишком близко к тем социальным ролям и функциям, которые определили выбор лидеров детских предпочтений. Такое близкое социальное родство все-таки наводит на обоснованные подозрения в отношении истинных мотиваций выбора этих образов.

На третьем месте среди детских предпочтений у мальчиков оказался «Автопортрет» О. Кипренского - он получил 16% голосов, у девочек «Мария Магдалина» Пьеро ди Козимо - 15%. В данном случае можно с большей уверенностью говорить об участии эстетических мотиваций в таком выборе. В картине Кипренского предполагалось, что дети должны прочесть образ поэта, человека творческого, а в произведении Пьеро ди Козимо девочкам предлагалось увидеть образ умной женщины, и если так и произошло, то значит в той гипотетической ценностной иерархии, существующей в детском массовом сознании, которую предположительно можно было бы выстроить по материалам тестирования для мальчиков после героизма и власти, важен некий ареал стереотипов, связанных с творчеством, а для девочек сразу после красоты, в различных ее проявлениях, представляется востребованной ценность интеллекта, ума, образованности и т.д. Необходимо отметить, что образ поэта предпочли 16% юношей, то есть всего (условно) на 1% меньше выбравших архетип власти, у девочек же разрыв в процентном отношении между лидирующей красотой Линча (27%) и Гейнсборо (23%) и умной читающей женщиной ди Козимо (15%) - гораздо больше. Однако однозначно утверждать, что социальный профиль изображенных героев оказался решающим фактором при выборе данных произведений детьми нельзя, поскольку, в отличие от, скажем, таких явных социальных ценностей как сила, власть и красота, ценности творчества и интеллекта далеко не так очевидно лидируют в современном массовом обществе. Поэтому так же обоснованно можно предположить, что данные произведения были выбраны детьми именно за их художественные особенности.

«Автопортрет» Дюрера занял лишь четвертое место в юношеских предпочтениях, получив 14% голосов. Это произведение, несомненный шедевр мирового искусства, не был в достаточной степени оценен современными детьми, что, конечно, говорит не в пользу их эстетической развитости. Отсутствие каких-либо атрибутов, каких-либо признаков, указывающих на значимую социальную роль героя, возможно отсутствие каких-либо явно читаемых эмоций на его спокойном лице, видимо, сыграли свою роль в таком равнодушном отношении к шедевру как к отражению определенного социокультурного архетипа. О причинах же того, почему очевидная художественная ценность произведения была недостаточно оценена

современными подростками, судить в условиях предварительного исследования, преждевременно.

То же самое можно сказать и про другой шедевр - картину Рафаэля «Мадонна на лугу», получившую также 14% голосов восьмиклассниц и также оказавшуюся на четвертом месте. Семейные ценности, предположительно, по гипотезе исследователей транслируемые этим произведением были опознаны и восприняты детьми, несмотря на сложную для них религиозную тематику и атрибутику картины, о чем свидетельствуют многочисленные детские комментарии к своему выбору, однако видимо сами эти ценности в современном массовом сознании несколько отстают от ценностей красоты и ума.

На пятом месте в юношеском предпочтении оказалась гендерно нейтральная картина П. Клее «Сенекио», получившая 11% голосов. Такое признание как эстетической, так и социокультурной ценности подобного произведения можно считать определенным успехом как исследователей, так и самих детей. Тот факт, что часть детей обратили внимание на почти абстрактное изображение, эстетически оценили его, наделили его эмоциональным содержанием, что читается в их мотивировках, описании и комментариях, сопутствующих выбору «странной» картины, уже само по себе является довольно неожиданным, поскольку произведения такого рода являются довольно нетипичными для признания их массовым сознанием. Если же рассматривать героя этой картины как социокультурный архетип, то, и в этом случае, само наличие детского интереса говорит о потенциальном присутствии в сознании современного подростка нетривиального творческого мировосприятия, мировосприятия некой свободной, раскрепощенной личности, не вписывающейся в рамки обычной, бытовой, «мещанской» действительности.

У девочек на пятой позиции оказались одновременно и «Портрет императрицы Александры Федоровны» Маковского и «Сенекио» Клее, получив по 10% голосов. Видимо ценность женской власти и могущества, может быть в таком несколько архаичном виде, не настолько интересуют современных восьмиклассниц, во всяком случае, не больше чем эпатажная экстравагантность индивидуально свободного самоутверждения и выхода за рамки общепринятости, нехарактерная для привычной даже в современном обществе роли женщины.

Самая печальная участь постигла замечательное произведение кисти А. Дюрера «Портрет молодого человека» - ему отдали свои голоса всего 6 % опрошенных восьмиклассников. Это самый маленький процент голосов, по результатам всего тестирования. В чем причины такой невосприимчивости детьми этого шедевра, отсутствие ли эстетической и художественной развитости, или отторжение всего образно-смыслового контекста картины – совершенно непонятно. Во всяком случае, заложенная по предположению исследователей интеллектуальная архетипическая сущность героя картины, то ли не была опознана, то ли совсем не интересуется современных молодых людей.

Итак, по результатам тестирования можно сказать, что преобладающей мотивацией, влияющей на восприятие и оценку произведений изобразительного искусства современными школьниками, в данном случае, восьмиклассниками, являются социокультурные мотивации. В данном эксперименте на роль таких социокультурных мотивации были выбраны архетипические социальные роли, по предположению исследователей, существующие и главенствующие в обществе, независимо от исторического, временного контекста. Именно социальные мотивации оказались причиной выбора, как мальчиками, так и девочками тех произведений изобразительного искусства, которые заведомо обладая низкой художественной ценностью, должны были провоцировать детей социально привлекательной статусностью изображенных героев.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алпатов М.В. Всеобщая история искусств. М.; Л.: Искусство, 1949.
2. Арнхейм Р. Искусство и визуальное восприятие. М., 1974
3. Торшилова Е.М. Тенденции и уровни развития художественного вкуса детей и подростков в эпоху социокультурного кризиса. – М.: ИХО РАО, 2012.